

ИМПЕРАТИВ ИЗМЕНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА

Н.С.Розов

Ключевые слова: национальный менталитет, гражданское общество, самоорганизация, социально-политическая реабилитация, Россия, фреймы, политическое насилие.

Процветание и престиж страны в современных условиях напрямую связаны с уровнем развития ее экономики, социальных институтов, технологий и конкурентоспособности на мировых рынках. В некоторых странах и культурах на начальных этапах соответствующая модернизация весьма успешно проводилась и кое-где до сих пор проводится авторитарными режимами (Сингапур, Южная Корея, Чили, Китай). Для России этот путь закрыт: отсутствует так наз. селекторат, дисциплинирующий власть [Besley, Kudamatsu 2007; Розов 2008], а системная коррупция, разложение бюрократии и органов правопорядка, незащищенность собственности, деградация конкурентной среды, “теневилизация” бизнеса достигли таких уровней, что даже чудом пришедший к власти авторитарный лидер, не на словах, а на деле настроенный на модернизацию, никакого позитивного результата с помощью “вертикали власти” не добьется¹.

Остается только один путь надежного и долговременного дисциплинирования правящих элит и бюрократии – через общественный контроль, взаимный контроль конкурирующих за власть и признание политических сил в открытой конкурентной политике; иными словами – демократизация. Тут же встают вопросы о субъектности, о необходимости широких коалиций, направленных на демократизацию и модернизацию², и далее о неготовности к этому подавляющего большинства российского населения. Известное, широко распространенное недоверие к демократии, парламентаризму, партийной

7

РОЗОВ Николай Сергеевич, доктор философских наук, профессор Новосибирского государственного университета. Для связи с автором: rozov@nsu.ru

¹ Четкий политико-социологический вердикт формулирует Кирилл Рогов: “Приоритет вертикали власти над верховенством закона оборачивается тем, что беззаконие и манипулирование законом становятся основным принципом, пронизывающим всю систему общественных взаимоотношений сверху вниз. Вертикаль не способна транслировать вниз те или иные импульсы (например, импульсы модернизации), она способна транслировать лишь принцип своего существования. В системе вертикали (или, как ее еще называют, “системе ручного управления”) никто не может быть уверен, что сохранит за собой завтра даже те права, что имеет сегодня. Но рыночная экономика не может эффективно функционировать в таких условиях; рыночная экономика не может функционировать без четкого ограничения прав вне рыночного принуждения и регулирования... Демократия для нас – это необходимость. Не беседа с чаем в конце пути, а условие движения по дороге” [Рогов 2009].

² О коалициях развития пишут экономисты группы СИГМА [Коалиции для будущего 2007]. Остро поставил вопрос о субъектности модернизации М.Б.Ходорковский: “Для осуществления настоящей модернизации необходим целый социальный слой – полноценный модернизационный класс. Для которого модернизация страны есть не фиктивная кампания, спущенная сверху, а вопрос выживания, самоформления в собственной стране и, если угодно, вопрос постепенного прихода к власти” [Ходорковский 2009].

борьбе объясняется как жестокой фрустрацией 1990-х, крахом перестроечных надежд, так и “родовыми чертами” российского менталитета: этатизмом, патернализмом, приверженностью “сильной руке”, постимперским синдромом и т.п. [Розов 2010].

В данной работе попытаемся выяснить, какие именно изменения в российском менталитете необходимы для выбора демократического пути развития в будущих политических кризисах, какие направления действий и с чьей стороны требуются для этих изменений. Иными словами, речь пойдет о *социально-политической (само)реабилитации российских граждан* — о восстановлении и развитии способностей социальных групп к самоорганизации, мирному и цивилизованному отстаиванию своих прав и интересов, т.е. к восстановлению *субъектности* для демократизации и модернизации России.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РАЗВИЛКИ: ЗНАЧИМОСТЬ МЕНТАЛИТЕТА ЭЛИТ И МАСС

Соединим два ранее полученных результата: условия выбора демократических альтернатив в развилках разрешения политических кризисов [Розов 2008] и концепцию изменения менталитета и габитусов через изменения в интерактивных ритуалах, обеспечивающих сообществах и институтах [Collins 2004; Гофман 2004; Скиннер 2007; Розов 2010].

Согласно концепции демократизации как появления и развития *коллективно разделенной власти* [Collins 1999; Розов 2008] необходимыми являются следующие выборы в первых развилках:

- в первой развилке — разрешение очередного политического кризиса через становление мирной полиархии (нескольких центров силы с автономными ресурсами), а не через победу одного центра с подавлением и уничтожением остальных;

- во второй развилке — закрепление этой полиархии на основе принятых сторонами обязательств и “правил игры”, исключающих как подавление, уничтожение какого-либо участника (центра силы), так и узурпацию полномочия одним из них (так наз. зачистку политического поля);

- в третьей развилке — согласие этих центров на открытую публичную конкурентную политику и честную игру как главные мерилы легитимности, регулирующие ротацию, отказ от тайных сговоров и закрытых пактов (как правило, неустойчивых и ведущих к реставрации авторитаризма)³.

Очевидно, что главную роль в этих процессах играют элиты, прежде всего, политики, поддерживающие их идеологи, лидеры бизнес-сообщества, представители административного аппарата, силовых структур, масс-медиа и т.д. Все они имеют национальный (в нашем случае — российский) менталитет и габитусы.

Вместе с тем, важнейшим ресурсом для политиков являются *легитимность и поддержка* со стороны широких групп населения. Более того, сами решения и действия политиков нуждаются в поддержке и легитимности. Отчасти

³ Интереснейшим “критическим экспериментом” служит Украина, которая в 2010 г. уже прошла успешно все три развилки, но становление демократии станет надежным лишь при социально-экономическом успехе нового украинского режима [см. также Фисун 2006; Гельман 2007].

этот специфический ресурс зависит от информационного и пропагандистского образа проводимой политики (пресловутый “пиар”). Однако сама пропаганда действенна лишь постольку, поскольку опирается на особенности национального менталитета: использование политических убеждений, мифов, фобий и т.п. Эффективные политики, как известно, являются искателями и успешными получателями легитимности, отчасти они убеждают массы, но при этом *чувствуют настроения масс*, в большей или меньшей степени формируют свои действия в соответствии с ними. Поэтому менталитет и габитусы населения также играют свою роль в том, какой будет избран путь в каждой развилке.

ПРИОРИТЕТ ОТЧУЖДЕНИЯ НАСИЛИЯ

Условия, способствующие *становлению полиархии* как возможного разрешения политического или системного кризиса в первых двух развилках [Розов 2008], были выделены на основе обобщения результатов нескольких теоретических и эмпирических исследований закономерностей демократического транзита [Weiner 1987; Di Palma 1990; Huntington 1991; Карл, Шмиттер 1993; Растоу 1996; Пшеворский 2000; Даль 2003; Рыженков 2006; Гельман 2007]. Рассмотрим, что и как должно измениться в базовых фреймах, символах и установках российского менталитета.

Универсальный для всех культур и обществ фрейм “*свое и чужое*” имеет явную российскую специфику, которая состоит, в частности, в высоком уровне отвержения, непризнания чужого, в отказе чужому в праве на достоинство или даже на существование. Изменение глубинных структур менталитета, которыми являются базовые фреймы — дело если не вовсе безнадежное, то в течение жизни одного-двух поколений точно неосуществимое. Зато поддаются формированию новые связи фреймов — мировоззренческие установки.

В аспекте минимизации насилия при политическом кризисе искомая установка легко конструируется. Все российские граждане, пока они не прибегают к насилию и уголовщине, в некотором общем смысле — *свои*. Пусть даже они имеют ровно противоположные взгляды, кажутся крайне неприятными, ведущими себя скандально и неприемлемо, как, например, геи — для истовых традиционалистов, “Наши” — для либералов, инородцы — для русских националистов или “несогласные” — для местных властей и омоновцев, все равно необходимо воздерживаться от насилия.

Что же должно стать совершенно неприемлемым *чужим*? Конечно же, само насилие и все те, кто его применяют против мирных граждан, не совершивших никакого преступления.

Разумеется, такого рода пропаганда ненасилия в политических конфликтах должна стать значимой частью просветительской деятельности всех общественных сил, всерьез настроенных на демократизацию. Однако, согласно концепции ментальной динамики, установки меняются не вследствие рациональных увещаний, а *благодаря сериям эмоционально насыщенных ритуалов с положительным или отрицательным подкреплением* таких установок и соответствующего поведения [Коллинз 2002, гл.1; Розов 2010].

С этой точки зрения, главная роль принадлежит всем распространителям социальной информации, прежде всего, журналистам и блогерам в Интернете: каждый случай столкновения, особенно между государственными силовыми структурами (милицией, ОМОНОм, внутренними войсками, спецслужбами) и *любыми* мирными, не совершающими преступлений, гражданами должен оцениваться с точки зрения императива ненасилия, а оценка эта должна распространяться как можно шире.

При этом, каждый случай неправового насилия (против инородцев, иноверцев, представителей сексуальных меньшинств, идеологических противников и т.д.), не получивший должного законного отпора, не повлекший наказания, также должен как можно более широко обсуждаться.

Идея состоит в том, что людям вовсе не обязательно всегда включаться в ритуалы “натурально”. Почувствовать себя на месте жертвы насилия, преисполниться неприятием насилия — вот что сдвинет установки граждан. Почувствовать себя на месте обвиненного в неправомерном насилии представителя власти — вот что может остановить начальство и исполнителей в решениях и действиях при последующих уличных столкновениях с протестующими.

Другое требуемое изменение во фрейме “свое/чужое” можно назвать *допущением разносторонности*. Прочно сложившиеся в головах склейки типа “если православный, то державник и почвенник, противник рынка”, “если западник, то либерал и атеист, противник левых и социалистических идей” в кризисные периоды обуславливают жесткую поляризацию. Большое число тех, кто “не укладывается” в стереотипы, оказываются между разных огней, многие примыкают к тому или иному лагерю. Допущение разносторонности делает нормальными и приемлемыми самые разные сочетания установок в человеке, а значит и самые разные, перекрещивающиеся коалиции, что является важным условием смягчения конфронтации, успеха переговоров и развития мирного политического процесса в сторону демократизации [Растоу 1996].

“СОГЛАСИТЬСЯ О НЕСОГЛАСИИ”

В базовом фрейме *идеалы/польза* для россиян характерны жесткое разделение и противопоставление “высоких”, “духовных” идеалов (святынь, ценностей) и “низкой”, “шкурной” пользы. В российской политической борьбе эта особенность проявляется таким образом. Сторонники каждого не сфабрикованного “сверху”, а действительно идейного политического движения, партии (например, сейчас это коммунисты, другие “левые”, а также социал-демократы — “яблочники”, представители “Другой России”, Объединенного гражданского фронта, “Солидарности” и т.д.) претендуют на монополию владения “высокими идеалами”. Остальных претендующих на идейность и принципиальность они считают либо обманщиками-лицемерами, либо безнадежно отсталыми, либо кем-то обманутыми. Соответственно, вся сфера межпартийного взаимодействия, поиск компромиссов, переговоры и, тем более, торг сразу со всеми относятся к области низкой “выгоды” (а то и “грязной политики”, не достойной “высоких идеалов”). Идущие на компромисс тут же объявляются предателями. Ясно, что при таких общих установках ника-

кого устойчивого договора и пакта между центрами силы быть не может. Какой же требуется рефрейминг?

Здесь особенно актуальным становится известный переговорный принцип “согласиться о несогласии” — принять в качестве неизбежного и *нормального* факта, что другие группы и движения имеют *свои* высокие идеалы и не поступятся ими.

Следующий необходимый шаг состоит в выстраивании общей платформы согласия (со статусом также *высшей политической ценности*, но уже для всех сторон) относительно ненасилия, правил честной игры, отказа от полного подавления проигравших и экспроприации у них ресурсов, а также регулярной ротации высших постов, иначе захватившая власть группа изменит правила “под себя” и рано или поздно изведет всех остальных участников пакта.

Вообще политические переговоры и торги, если они законны, не предполагают коррупции, обмана граждан и злоупотреблений, следует вывести в ментальном плане из сферы “низкой выгоды”. Демократия — это вовсе не результат полной победы “демократов”, сваливших и растоптавших своих противников. Увы, *реальная демократия — это дитя многостороннего оппортунизма как толерантности к инакомыслию.*

ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРЛЮДИЯ: О ГРАНИЦЕ ПРИЕМЛЕМОСТИ ОППОРТУНИЗМА

Под оппортунизмом (лат. *opportunus* — удобный, выгодный) обычно понимается достижение выгоды (увеличения популярности, влияния, власти) в ущерб строгому следованию ранее принятым идеалам, ценностям и принципам.

Известно, что в политике как “искусстве возможного” полный идейный пуризм — отказ от оппортунизма — ведет к сектантству, изоляции и чреват кровавым насилием. Вечная проблема нахождения приемлемой грани политических компромиссов особенно значима для современной России, где идейная разобщенность и взаимоотчуждение между основными позициями крайне велики. Как же отличить приемлемый оппортунизм как толерантность от неприемлемого оппортунизма как предательства?

Не претендуя на универсальное решение этой проблемы (вряд ли вообще возможное), предложу следующий простой и операциональный критерий. Из высокой сферы идейных противостояний следует опуститься на бrenную землю с живыми людьми, их правами и свободами. *Оппортунистическое действие (компромисс, соглашение с идейным оппонентом и политическим противником) следует считать предательством, если оно ведет к наступлению или закреплению той ситуации, при которой страдают или подвергаются прямой угрозе жизнь, здоровье, достоинство, права и свободы людей.* Если же такого ущерба не просматривается, то оппортунизм вполне оправдан, соответствующее действие следует квалифицировать не как предательство, а как проявление толерантности и вполне правомерной политической гибкости.

Вспомним, что само понятие толерантности возникло в политико-религиозной сфере. Речь шла о веротерпимости, идейное обоснование которой дано в классических “Посланиях” Джона Локка [Локк 1988]. Он возвел в эти-

ческий принцип практики многостороннего оппортунизма изначально крайне нетерпимых друг к другу конфессиональных групп в Англии конца XVII в. Крайне острыми были конфликты относительно церковной власти над университетами. Получи эту власть одна конфессия, тут же пострадали бы все иноверцы — профессора, аспиранты, студенты и желающие поступить в университет. “Патовую” ситуацию конфликта разрешили через отказ от принуждения или запретов в области веры. Затем через французское Просвещение, становление идей о равных правах и свободах гражданина в Американской и Французской республиках веротерпимость стала распространяться все шире и шире. Англичане “поступились принципами”, но от этого выиграли и выиграют живые люди, причем во многих странах и уже на протяжении трех сотен лет. Так религиозный оппортунизм (по своей сути — “предательство веры”) обрел статус *толерантности* — одной из главных ценностей современного цивилизованного мира.

Возьмем более насущный вопрос: где проходит граница допустимого соглашательства оппозиции с правящей группой авторитарного репрессивного режима? Допустимо или нет, например, присоединяться к реформаторским призывам власти, не брезгующей репрессиями и политическим насилием? Применение нашего критерия дает четкий ответ: *вначале необходимо требовать освобождения политических заключенных, прекращения практики политического сыска и преследования представителей оппозиции, критикующих власть журналистов, собирающихся для мирных протестов граждан, поддерживающих оппозицию бизнесменов и вообще всех тех, кто пользуется конституционными правами и не нарушает соответствующие Конституции законы.* Только после соответствующих действий (а не обещаний) со стороны власти возможны и оправданы переговоры о дальнейшем взаимодействии или даже сотрудничестве.

ГОСУДАРСТВО – НЕ “ДРАКОН” И НЕ “РОГ ИЗОБИЛИЯ”, А ОБЩАЯ ЗАБОТА ГРАЖДАН

В российской версии фрейма “ближний круг/государство” последнее жестко ассоциировано для аутсайдеров с формальным принуждением и всяческими ухищлениями от этого принуждения, а для инсайдеров — со своей вотчиной, точнее — коллективной собственностью таких же инсайдеров, составляющих ближний круг. Результат известен: подавляющее большинство граждан отчуждены от государственных дел даже на местном уровне, многих интересует только исправное поступление ренты, а в пределе мечтаний — возвращение всего бесплатного и низких, принудительно замороженных цен. Инсайдеры как во власти и чиновничестве, так и в приватном бизнесе, увлечены распределением и перераспределением государственных ресурсов.

Требуемый рефрейминг состоит: 1) в приближении и “присвоении” аутсайдерами государственной сферы как сферы своих интересов и своей активности и 2) в расширении “ближнего круга” инсайдерами.

Речь идет о превращении аутсайдеров (нынешних подданных, “поддомственного населения”) в полноценных граждан, решающих свои проблемы не отгораживанием и взятками, а объединением и законным давлением на власть в целях институциональных изменений. Лихо присваи-

вающие государственные ресурсы инсайдеры относятся к самому государству не как к чему-то своему, требующему заботы, а как временщики к захваченному трофею: его гнут и ломают “под себя”, а добытое конвертируют в личные заграничные счета. Здесь также требуется “гражданское присвоение” — формирование отношения политиков, чиновников, бизнесменов к государству как общему достоянию, весьма хрупкому, склонному к болезням (особенно коррупции и неэффективности), но необходимому для сохранения и развития страны и для защиты, облегчения жизни всех граждан.

Расширение сферы *своего* для инсайдеров фактически состоит в упорядочении и легитимации ресурсных переделов между их группами. Действительно, если *свои*, по отношению к которым инсайдер чувствует долг, обязательства, проявляет порядочность, — это только узкая “команда” (бывшие однокашники, сослуживцы, родственники, “дачный кооператив” и проч.), то остальные команды можно и нужно ослаблять, подавлять, грабить и даже уничтожать. Все прочее “население” при этом вовсе не принимается во внимание, лишь бы не бунтовало.

Итак, первое расширение “ближних” должно охватить другие группы как полноправных игроков. Соответствующие пакты (пусть пока закрытые) и являются договоренностями между такими группами о взаимных обязательствах и правилах игры.

Второе расширение должно охватить ту часть населения (социальный слой или проживающих на подведомственной территории), с которой связана профессиональная деятельность инсайдеров. Забота об этом слое, общение с ним, удовлетворение его интересов и получение от него поддержки — вот что рано или поздно должно стать козырем в индивидуальной и межгрупповой бюрократической конкуренции.

САМОДЕРЖАВНЫЙ КОМПЛЕКС

Для российского менталитета характерна склейка “*эффективное единоначалие — это полновластие, не ограниченное ни временем, ни ответственностью перед другими силами*”. На уровне государства — это самодержавие или же “сильная президентская власть”, любые ограничения которой считаются в массовом сознании лишним тормозом для управления и “наведения порядка”.

Как известно, такая установка тесным образом связана с подданнической политической культурой, самоотчуждением от власти и политики: “пусть они там управляют, лишь бы исправно платили, не мешали моему благополучию, моя хата с краю”. Такие установки подкрепляются наблюдениями и ритуальными обсуждениями безответственности и безнаказанности руководства, обсуждениями того, “кого нам поставили сверху”, фрустрацией от участия в выборах с запрограммированным и/или сфальсифицированным результатом и т.д.

Требуемая альтернативная установка может быть выражена так: “*единоначалие эффективно, если ответственно, подконтрольно обществу и находится под критическим наблюдением оппозиции, когда неэффективного руководителя общество может мирным образом сменить согласно законным процедурам*”.

Такой установке соответствует гражданская политическая культура: “мы, граждане, заинтересованные члены общества, должны участвовать в общественной и политической жизни, чтобы начальство было ответственным и чувствовало подконтрольность”.

ЧЕСТЬ СТРАНЫ – ЧЕСТНАЯ ПОЛИТИКА

Фрейм *Россия/Запад* характеризуется у россиян, с одной стороны, чрезмерной референтностью Запада (именно западные оценки остаются наиболее значимыми, вне зависимости от того, соглашаются с ними или яростно их отвергают), с другой стороны, неуверенностью в себе и обостренным чувством собственного достоинства. Это может выражаться как в полном отрицании национальных достоинств, так и в навязчивом их превознесении.

Относительно открытой политической – парламентской – борьбы доминируют следующие полярные убеждения. “На Западе все в основном делается правильно и цивилизованно, нам нужно брать с них пример”, либо наоборот: “На Западе вся так называемая демократия лжива и продажна, поэтому и у нас так” (вариант: “нам это не нужно, и мы пойдем своим особым путем”).

Необходимо связать российское, всегда обостренное, чувство собственного достоинства (с давними корнями дворянской чести и великоросской гордости) со способностью наладить мирный, справедливый и *честный* политический процесс, учитывающий разнообразие позиций и интересов, результатом которого будут ответственные лидеры у власти, проводящие эффективную (для страны, а не для себя) политику.

В этом отношении известное малодушие некоторых западников (“ничего в этой стране никогда не получится из-за ее тысячелетней рабской истории”) представляется тупиковым и безнадежным, тогда как амбиции обращенных не в прошлое, а в будущее самобытников более перспективны. Западная система лжива и несправедлива? Так давайте в своей стране сделаем честную и справедливую! А уж если Россия такая исконно великая и духовная, так и политическое устройство в ней можно и нужно сделать приличным: чтобы политики не боялись друг друга, умели договариваться, держали слово, были ответственными, честно соревновались и т.д.

В России образование, культура и наука остаются европейскими и европоцентричными (что сохранялось даже при сталинизме), поэтому Запад еще очень надолго останется значимым референтом, но все же центр тяжести должен быть смещен к собственным оценкам и собственной гордости, собственным представлениям о честности, достоинстве и справедливости, которые могут и должны воплощаться в политическом устройстве страны. Только на этом пути произойдет сближение до сих пор непримиримых западников и самобытников в политике.

ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕНТАЛИТЕТА: ОТ “ИСКУССТВЕННЫХ” СТРАТЕГИЙ К “ЕСТЕСТВЕННОМУ” СКЛАДЫВАНИЮ

Сама идея целенаправленного изменения национального менталитета и мировоззренческих установок многим кажется не только неосуществимой,

но и дикой. Такова одна из распространенных среди гуманитариев мифологем, особенно в среде отечественных историков, “культурологов” и всевозможных “профессиональных патриотов”.

Между тем, вполне эффективные и позитивные прецеденты в мире есть. Уже упоминавшаяся веротерпимость, утверждение принципа гражданского равенства, преодоление расизма, равноправие мужчин и женщин, формирование общей нетерпимости к семейному насилию, а также нормализация отношения к матерям-одиночкам, незаконнорожденным, резкое снижение ксенофобии во многих странах — все это кардинальные изменения общественной морали, которые были бы невозможны без существенной трансформации ментальных структур целых народов.

Нельзя не признать, что менталитет инерционен, его структуры постоянно подкрепляются в многообразных практиках (в том числе, в эмоционально внушительных интерактивных ритуалах [Collins 2004; Коллинз 2002, гл.1; Розов 2010]), поддерживаются сообществами и институтами, которые сами опираются на эти ментальные структуры. Эта “закольцованность”, неразрывная связь психических, культурных и социальных компонентов склонна воспроизводиться в поколениях и отторгать внешние воздействия.

Каков же общий принцип трансформации мировоззренческих установок с точки зрения концепции ментальной динамики? Как всегда, все начинается с малых инициативных групп, желающих что-то изменить и продвинуться в социально-политическом и/или символическом пространстве.

Первый шаг — эти группы (кружки) появляются, регулярно собираются вместе, задумывают свои будущие стратегии, программы деятельности. Само по себе это уже эмоционально насыщенные ритуальные действия со своей формирующейся символикой, языком, лидерами и т.п.

Второй шаг — переход от закрытых ритуалов к *открытым, к вовлечению новых членов в движение*. Здесь есть два основных подхода: включение в уже существующие ритуальные практики, попытки переформатирования их в соответствии со своими целями, либо организация новых, альтернативных или дополнительных, ритуалов. Есть понятные достоинства и недостатки у каждого подхода: в первом случае приходится преодолевать противодействие прежних лидеров и привычных стереотипов, во втором случае главной проблемой становится привлечение участников к новой, непривычной (и часто подозрительной, ничего не гарантирующей) активности. В любом случае, в успешных движениях инициативные группы начинают занимать ключевые позиции в организации и проведении ритуальных действий.

Сам факт широкого участия в продолжающихся эмоционально насыщенных ритуалах — свидетельство начавшейся перестройки ментальных компонентов: фреймов, символов, идентичностей, мировоззренческих установок и поведенческих стереотипов. Несмотря на это люди продолжают заботиться о своем социальном положении, безопасности и доходах. Если их новая активность и установки противоречат этим базовым интересам, то большинство откажется от первых в пользу вторых и правильно сделает (другой случай — зомбирование, манипуляция сознанием неофитов в тоталитарных сектах, но это никак не путь социально-политической реабилитации граждан).

Третий шаг, таким образом, – преобразование старых или образование новых, альтернативных *обеспечивающих сообществ*, дающих те самые социальное положение, безопасность и доход. Успех в данном пункте – это огромная победа в трансформации образа жизни и менталитета одного-двух поколений. Оставшиеся вопросы, связанные с институализацией изменений, обеспечением воспроизводства новшеств, их адаптивности пока не актуальны.

До наступления острого политического кризиса, чреватого эскалацией насилия, уже должны быть сделаны два первых шага (консолидация инициативных групп, выработка стратегий и успешные ритуалы с вовлечением новых участников).

Появление нескольких центров силы, отказывающихся от насилия как средства политической борьбы, – это отличная основа для третьего шага, формирования новых обеспечивающих сообществ. Собственно, они и составят социальную поддержку, столь важную для центров силы, которые, в свою очередь, будут гарантом безопасности, возможно, также социального престижа и доходов.

Нет ни возможности, ни смысла пытаться искусственно запрограммировать будущие социально-политические процессы и ментальные изменения. Речь идет только о том, что вышеуказанные шаги как *“искусственные”* стратегии направлены на формирование условий, облегчающих, повышающих вероятность последующего *“естественного”* складывания в желательном направлении.

МАЛЫЕ ИНИЦИАТИВНЫЕ ГРУППЫ – КТО ОНИ?

Питательная среда для кристаллизации и образования таких групп – это, прежде всего, те *реформаторы* из гнезда “недовольных”, которые устали только говорить и готовы уже что-то делать.

Участниками не обязательно могут быть только аутсайдеры (в отношении государственных структур, бюрократии и привластного бизнеса). Среди инсайдеров еще остались *честные службисты*, заинтересованные в повышении эффективности и качества государства. Такова обнаруженная в опросах М.Афанасьевым “элита развития”, включающая “известных в своих регионах и профессиональных сообществах представителей социально-профессиональных групп, исполняющих важнейшие публичные функции: государственное управление, оборона и охрана правопорядка, юриспруденция, предпринимательство, корпоративное управление, здравоохранение, наука и образование, массовая информация и публичная экспертиза” [Афанасьев 2009].

Разумеется, никакое новое дело не может начаться без *подвижников*. Из них самые перспективные – те, чья деятельность более всего нуждается в общественной и государственной поддержке, либо страдает от препятствий, чинимых госструктурами.

“Питательный бульон” для такого рода групп уже есть. Это блогосфера, всевозможные сайты и форумы на социально-политические темы, Интернет-сообщества и социальные сети (“одноклассники”, “в контакте”, “профессионалы” и проч.). В политико-идеологическом плане вся эта огромная активность служит, главным образом, для “выпускания пара”, а также личного

самоутверждения каждого участника, особенно, когда он “прикладывает” оппонента, “разносит” статью известного публициста и т.п. Ситуация изменится, когда появятся призывы типа “пора что-то делать, наконец” и люди из одного города начнут встречаться, пусть в самом малом составе (3-7 человек — с таких групп много чего начиналось в истории).

Ради чего собираться? Три большие темы (сферы активности) представляются наиболее важными.

Первое — общее, в перспективе институциональное, решение локальных и частных проблем, особенно связанных с *предоставлением государством публичных услуг и обязанностями граждан перед государством* (от всевозможных лицензий, разрешений, справок до проверок, налогов и армейского призыва). Эта сфера значима для конвертации растущего социального недовольства не в жалобы высокому начальству с перекрытием магистралей, а в рост самоорганизации и взаимопомощи на местах, что всегда ведет за собой социально-политическую мобилизацию, но уже мирную и конструктивную.

Второе — *защита личности, прав, свобод и собственности*: все вопросы, связанные с противодействием попыткам монополизации, прессингу со стороны властей и разного рода рейдерству, с незаконным использованием силовых структур, правоохранительных органов в политике и экономической конкуренции, с безопасностью общественно-политической деятельности и поддержки оппозиционных движений и т.д. Данная тема также отвечает массовым интересам, но системным эффектом успеха будет возрождение открытой конкурентной политики, поскольку уже можно будет не бояться формировать самостоятельно коалиции, поддерживать финансово оппозиционные силы и т.д.

Третье — *профилактика насилия, особенно в столкновениях между силами правопорядка и протестными выступлениями* (митинги, марши, забастовки и проч.), разработка альтернативных — мирных — путей гражданского сопротивления и взаимодействия с властями. Это направление деятельности должно нейтрализовать радикализацию политического противостояния, происходящую обычно при подавленной публичной политике и ухудшении социально-экономической ситуации. Как было сказано выше, только при минимизации насилия политический кризис получает предпочтительное разрешение в становлении мирной полиархии — конкуренции-сотрудничестве нескольких автономных центров влияния и силы.

ВОВЛЕЧЕНИЕ ГРАЖДАН – ОСНОВНЫЕ ТИПЫ РИТУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВ

Характер следующего этапа в деятельности каждой группы сильно зависит от решаемых проблем и подхода к ним. Иногда бывает вполне достаточной сетевая структура: люди обмениваются правовой и прочей информацией, формами документов, адресами служб поддержки и т. п. Однако, согласно теории интерактивных ритуалов, прочные связи доверия, готовность к совместным действиям, взаимные обязательства возникают только при личных знакомствах, собраниях “здесь и сейчас”, причем с единым фокусом внимания, общими символами и сильными эмоциями [Collins 2004].

Где же проводить большие собрания при известной практике препятствий и фактических запретов со стороны властей на любую “несистемную” обще-

ственную активность? Появляется пункт общего интереса всех групп и движений — чтобы в каждом городе, особенно крупном (а в таких гигантах как Москва и Санкт-Петербург — в каждом районе) появился свой “гайд-парк”, место, достаточно обширное, с несколькими эстрадами для митингующих, где люди могли бы собираться, произносить и выслушивать речи, знакомиться, т.е. реализовывать свое конституционное право на мирные собрания, причем не мешая автомобильному движению и не прося никаких разрешений у городского начальства. Немногочисленная милиция тут понадобится только для одного — усмирять провокаторов и буянов, призывающих к насилию или мешающих мирным собраниям граждан (в частности, “шпану на доволствии” с ее улюлюканьем, бараньими тушами, летающими фаллосами и прочим “креативом”).

Для большинства россиян, особенно аутсайдеров, главным обеспечивающим сообществом был и долгое время останется “ближний круг”, включающий родных и друзей. Соответственно, самые значимые ритуалы происходят в этом составе. В каком же случае участие в альтернативных ритуальных действиях (встречи с малознакомыми пока единомышленниками, разного рода общественная активность) станет выигрышным для человека в его “ближнем кругу”?

Ответ прост — нужен *успех* этой деятельности, причем успех, выражаемый в хорошо понятных “земных” интересах и ценностях семей, соседств и дружеских компаний: стало легче оформлять документы и вести бизнес, стало возможным требовать ремонта дома, починки дорог, благоустройства территории и добиваться этого, стало понятно, куда и на что идут наши налоги, стало возможным это контролировать и т.д.

Итак, *новые широкие ритуалы эффективны только тогда, когда выстраиваются вокруг общественной деятельности, приносящей зримую пользу рядовым участникам*. Уличные собрания хороши для привлечения сторонников и мобилизации широких движений. Главная же работа по любой серьезной проблеме включает привлечение специалистов, профессиональные обсуждения, выработку решений, подготовку документов, многократные переговоры с представителями госструктур и бизнеса, мониторинг деятельности; нередко требуются специальные социальные исследования.

Естественное место для локализации такой активности — университеты, академии государственной службы, вузы с профильными факультетами и кафедрами по характеру проблемы. Значимость привлечения студенческой молодежи к общественно-полезной деятельности в плане трансформации менталитета подрастающих поколений вполне очевидна и особых обоснований не требует.

Университет, академия, учебный институт — не улица, сюда можно и нужно приглашать и чиновников, и бизнесменов, и разного рода подвижников, когда обсуждаются насущные проблемы, прямо касающиеся их рода деятельности. Успех в решении этих проблем естественным образом становится и их личным профессиональным успехом, повышающим их статус в главных для них ритуалах и обеспечивающих сообществах, будь то департамент мэрии, управление министерства или местное бизнес-сообщество. Именно в университетских аудиториях, а не на уличных митингах

может и должна получить распространение установка *допущения разно-сторонности*.

Итак, наиболее эффективная стратегия трансформации менталитета – это стратегия интеграции представителей разных групп и слоев вокруг деятельного решения реальных социальных проблем.

УСЛОВИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ САМОДЕРЖАВНОГО КОМПЛЕКСА

Многочисленные внешние препятствия, с которыми столкнется представленная выше стратегия, неизбежны, преодолевать их придется практически, с учетом ресурсов каждой группы и множества других обстоятельств.

Основное внутреннее, ментальное препятствие – это ранее рассмотренный самодержавный комплекс вкупе с этатистским патернализмом (“все это должно делать государство, а для этого нужен крутой начальник – настоящий хозяин, который наведет порядок”).

Трансформация подобной установки у человека, социальной группы – это настоящая ментальная революция, кардинальная смена идентичности и политического мировоззрения. Соответственно, речь должна идти об участии в *серии эмоционально внушительных ритуальных действий*, формирующих и подкрепляющих такие установки.

Три типа событий составляют стержень требуемой серии:

1) уход непопулярного, безответственного руководителя вследствие мирного организованного протеста, предвыборной агитации, судебного процесса или других стратегий и практик политической борьбы;

2) демократический выбор нового руководителя, особенно человека известного и узнаваемого “в лицо”;

3) деятельное участие в начинаниях выбранного руководителя и совместное переживание успеха.

Несложно увидеть изрядную уязвимость по всем трем пунктам.

Даже если удастся организовать мирный протест и добиться снятия прежнего руководителя (на любом уровне – от главы поселковой или районной администрации до президента страны), то, скорее всего, нового начальника “поставят”.

Даже если удастся провести честные выборы и новый руководитель будет считаться выбранным обществом, даже если этот выбор окажется удачным, вовсе необязательно, что его деятельность окажется успешной. Она может забуксовать или вовсе провалиться из-за противодействия бюрократических структур, апатии населения либо из-за неудачной охватывающей экономической конъюнктуры.

Если это происходит в обществе, где гражданская политическая культура *уже сильна*, то она вряд ли разрушится (политические провалы Дж. Буша-мл. не подорвали ее в США, вполне вероятная пробуксовка политики Барака Обамы также ее не отменит). Однако, если гражданская политическая культура находится в зародыше, то отрицательное подкрепление в любом из пунктов может надолго ее дискредитировать и актуализировать старые привычные подданнические установки (наиболее яркие случаи – Веймарская Германия и постперестроечная Россия).

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОЛЕЯ ГЛУБОКА, БЛИЗКА, НО НЕ ФАТАЛЬНА

Соскальзывание российской политики в глубокую многовековую колею авторитаризма и “русской власти” [Пивоваров 2005; Дубовцев, Розов 2007] — постоянная близкая опасность, к которой надо привыкнуть и которой упорно противодействовать, чтобы не вдаваться в очередную эйфорию (с последующей непереносимой жестокой фрустрацией), как в октябре 1905 г, феврале 1917 г., в хрущевскую Оттепель и в горбачевскую Перестройку.

Несмотря на “эффект колеи”, нет принципиального исторического запрета на то, чтобы, во-первых, часть российского населения научилась решать свои насущные проблемы посредством самоорганизации, более широкой, чем “ближние круги”; во-вторых, — был достигнут критический уровень защиты личности и собственности, делегитимирующий политические репрессии; и в-третьих, — сформировался общественный консенсус о недопустимости насилия, использования правоохранительных органов в политической борьбе.

Но это и есть главные условия последующей кристаллизации новых центров влияния и силы в политике, успешного разрешения будущего политического кризиса (череды кризисов) в становлении мирной полиархии.

Следующий шаг — структурные изменения в обеспечивающих сообществах, которые, по определению, предоставляют индивиду не только эмоциональный комфорт, но также безопасность, социальное положение и основной доход, причем посредством формальных или неформальных институциональных форм. Значит, изменения в составе и свойствах обеспечивающих сообществ уже прямо затрагивают отношения и ресурсы, связанные с применением принуждения и насилия, с социальными иерархиями, с распределением и обменом экономических благ. Кроме того, стратегии изменения сообществ должны быть разными для разных габитусов (инсайдеров и аутсайдеров, обывателей и подвижников, охранителей и радикалов, реформаторов и равнодушных, западников и самобытников и т.д.), поскольку их носители имеют различные типы обеспечивающих сообществ. Но это уже тема отдельного разговора.

Афанасьев М. Есть ли в России спрос на модернизацию? // *Эксперт*, 21.06.2009.

Даль Р. *Демократия и ее критики*. М., 2003.

Гельман В.Я. Из огня да в полымя? Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе // *Полис*, № 2, 2007.

Гофман И. *Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта*. М.: Институт фонда “Общественное мнение”, 2004.

Дубовцев В.А., Розов Н. С. Природа “русской власти”: от метафор — к концепции // *Полис*, № 3, 2007.

Карл Т.Л., Шмиттер Ф.К. Пути перехода от авторитаризма к демократии в Латинской Америке, Южной и Восточной Европе // *Международный журнал социальных наук*, № 3, 1993.

Коалиции для будущего. СИГМА. М., 2007.

Коллинз Р. *Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения*. Новосибирск, 2002.

Локк Дж. Послание о веротерпимости // Локк Дж. *Сочинения в трех томах*: Т. 3. М.: Мысль, (Филос. Наследие. Т. 103), 1988.

- Пивоваров Ю.С. Русская власть и публичная политика. Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита // *Полис*, № 6, 2005.
- Пшеворский А. *Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке*. М., 2000.
- Растоу Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели // *Полис*, № 5, 1996.
- Рогов К. Модель развития: Вертикальные грабли // *Ведомости*, 23.09.2009.
- Розов Н.С. Коллегиально разделенная власть и условия поэтапного становления демократии в России // *Полис*, № 5, 2008.
- Розов Н.С. Динамическая концепция менталитета и изменчивое разнообразие российских габитусов // *Идеи и идеалы*, № 1(3), т.1. 2010. Электронный ресурс: <http://www.nsu.ru/filf/roзов/publ/dyn-con.htm>.
- Рыженков С.И. Динамика трансформации и перспективы российского политического режима // *Неприкосновенный запас*, № 6(50), 2006.
- Скиннер Б. *Радикальный бихевиоризм*. М.: Еврознак, 2007.
- Фисун А.А. Политическая экономия “цветных революций”: неопатримониальная интерпретация // *Ойкумена. Альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций*. Харьков. Вып.4, 2006.
- Ходорковский М. Б. Модернизация: Поколение М. // *Ведомости*, 21.10.2009.
- Besley T., Kudamatsu M. Making Autocracy Work. // *Development Economics Discussion Paper Series*. 48. May 2007.
- Collins R. *Macrohistory: Essays in the Sociology of the Long Run*. Stanford Univ. Press, 1999.
- Collins R. *Interaction Ritual Chains*. Princeton University Press, 2004.
- Di Palma G. *To Craft Democracies: an Essay on Democratic Transitions*. Berkeley, 1990.
- Huntington S. *The Third wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. L., 1991.
- Weiner M. Empirical Democratic Theory // *Political Science*, vol. XX, № 4, 1987.